

Д-р Дэвид Бауэр, Индуктивное изучение Библии, лекция 19, Иакова 1:22-27.

© 2024 Дэвид Бауэр и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэвид Бауэр в своем учении об индуктивном изучении Библии. Это сеанс 19, Иакова 1:22-27.

Теперь мы готовы продолжить Иакова 1:22. Как я уже упоминал, на самом деле это третья часть второй основной части Иакова 1:2–27.

Просто напомните нам, что первая глава Иакова, по крайней мере, на мой взгляд, служит своего рода увертюрой к остальной части книги, поскольку он в общих чертах представляет практически все основные темы книги, которые он затем продолжит дальше. оставшуюся часть книги, главы со 2 по 5, нужно развивать. Но он представляет эти основные темы в рамках главы 2. В 1:2–15 структура действительно связана с триумфом христианской жизни через испытания, через мудрость, исходящую от Бога. Здесь, в 1:16-27, он говорит о преимуществах христианской жизни над обманом силой Слова.

Итак, когда мы подходим к стихам с 22 по 25, которые имеют отношение к тому, чтобы быть исполнителями Слова, а не только к обману самих себя, это действительно относится к самому Слову, а не по отношению к другим вещам. О Слове говорится в связи с другими элементами в стихах с 16 по 18, а также в стихах с 19 по 21, и в некотором смысле снова будет в стихах с 26 по 27. Здесь он говорит о Слове как таковом и представляет этот отрывок здесь. , как я говорю, как средство избежать обмана и принять знания.

Это, конечно, подчеркивается в соседних абзацах. Но мы продублировали требования Слова с 1:22 по 25, и, как и во многих из этих подразделов или параграфов в главе 1, он начинается с увещевания, которое затем переходит к обоснованию. У нас здесь такое же явление.

Увещевание, конечно, содержится в стихе 22, но будьте исполнителями Слова, а не только обманывайте себя. Теперь обратите внимание, что здесь, в этом увещевании, он использует контраст. Он начинается с положительного аспекта увещевания: будьте исполнителями Слова, а затем в качестве контраста, это действительно своего рода соотносительный контраст, отрицательного, не только здесь, тогда это модифицируется причастным словосочетанием обманывайте себя.

Здесь слово обмануть — паралогизомой. Это другое слово для обозначения обмана, чем то, что мы использовали в стихе 16, то есть *planao*, и в следующем абзаце стиха 26 он будет использовать еще другое слово для обозначения обмана. Затем он обосновывает это увещание в стихах с 23 по 25, и он начинается с разговоров о негативе, о том, что нужно быть только слушателем, а затем заканчивается позитивом, о том, что нужно быть слушателем и деятелем.

Так, говорит он относительно обоснования тех, кто только слушает, ибо если кто слушает Слово, а не делает, то он подобен, конечно, здесь у вас сравнение, он подобен человеку, наблюдающему за своим естественное лицо в зеркале, а затем он идет вперед и обосновывает это сравнение, ибо он наблюдает за собой, уходит и тотчас же забывает, каким он был. И затем он возвращается к обоснованию этого с точки зрения позитива, с точки зрения человека, который является исполнителем Слова, а не просто слушателем, но тем, кто всматривается в совершенный закон, закон свободы, и упорствует, будучи никакой слушатель, который забывает, но делатель, который действует, будет благословен в своих делах. И, конечно, вы заметите, что здесь имеется обоснование, подкрепленное хиазмом.

Он переходит от положительного в увещании, от положительного к исполнителям Слова к отрицательным, а не только к слушателям, а затем в обосновании он меняет порядок, начинает с отрицательного, ибо тот, кто только слышит, подобен человеку, который наблюдает. свое естественное лицо в зеркале, но тот, кто слышит и делает, то есть смотрит на совершенный закон свободы и упорствует, будучи не слушателем, который забывает, слушателем забвения, но исполнителем действия, будет благословен в своей актерской игре. Итак, АВВА, этот хиазм, который мы имеем здесь, и, конечно, как мы уже упоминали, хиазм обычно подчеркивает первый и последний элементы, и, конечно, он хочет подчеркнуть здесь позитив, призыв быть исполнителями Слова, которое начинает и заканчивает этот абзац. Опять же, в начале параграфа появляется понятие обмана, в данном случае, как мы уже говорили, *paralogizomai*.

То же самое было и в стихе 16, и то же самое будет и в стихе 26. А также, кстати, его противоположность, его отрицательный вывод, знайте это, появляется в начале предыдущего абзаца в стихе 19. Здесь, обман включает в себя обман самого себя относительно своего спасения и того, что необходимо для спасения.

Как он скажет в стихе, как мы говорим это из-за стиха 21, примите в кротости насаждаемое Слово, способное спасти души ваши, но будьте исполнителями Слова, а не слушателями, только обманывая самих себя. Опять же, в контексте кажется, что обман касается собственного спасения и того, что необходимо для спасения. И, конечно, это предвосхищает то, что он скажет в 2:14: какая польза,

братья мои, если человек говорит, что он имеет веру, но не имеет дел? Сможет ли его вера спасти его? Здесь, конечно, имеется контраст с концом 21-го стиха, на который в RSV, конечно же, указывает слово «но».

На самом деле это «да», что является мягкой связкой в греческом языке, но RSV переводит это как «но», предполагая, что то, что он говорит здесь, в стихе 22, на самом деле контрастирует с тем, что он говорил в предыдущем материале. Я думаю, что если здесь действительно есть контраст, как это понимает RSV, то он включает в себя контраст с возможным неверным прочтением или возможным неверным толкованием стиха 21, а также возможным неверным толкованием стиха 19, где в стихе 19 мы читаем, пусть все будут, каждый человек будет скор на слух. Как мы там упомянули, во-первых, быстро услышать Слово Божье.

А также, в конце этого абзаца, стих 21, примите в кротости насаждаемое слово, которое может спасти ваши души. Читатель, прочитав стихи с 19 по 21, мог бы прийти к выводу, что то, что есть, то, что необходимо, возможно, единственное, что необходимо, — это слышать Слово, быть быстро услышать и понять, что получение Слова – это просто слушание Слова без какой-либо ссылки на действие или исполнение Его. Итак, это возможное неправильное толкование стихов с 19 по 21, которое он, кажется, исправляет здесь путем контраста.

Это слушание включает в себя нечто большее, чем просто слушание Слова. Это предполагает принятие Слова как Слова истины (стихи 18 и 21), давая, можно сказать, поверхностное, вероучительное согласие с ним. Это предваряет 19 стих 2 главы, вы верите, что Бог един, вы поступаете хорошо, даже бесы верят и содрогаются.

Когда мы дойдем до этого момента, мы увидим, что это связано с утверждением кредо, верой в то, что Бог един, созданием кредо и утверждением кредо-утверждения о том, что Бог един, и реальным принятием этого до определенного момента. принимать его до определенного момента, принимать Слово как Слово истины, давать вероучительное согласие со Словом, быть Словом истины, принимать его как Слово истины до определенного момента. Кажется, именно это он имеет в виду, когда говорит о том, что нужно быть слушателем только Слова, но отказываться позволить его истине изменить наше основное мировоззрение или повлиять на наше поведение, особенно среди жизненных проблем. Теперь он собирается вернуться к этому моменту через 2:14-17.

Какая польза, братья мои, если человек говорит, что имеет веру, а дел не имеет, может ли вера его спасти? И, кстати, это слово, которое здесь переведено как исполнитель Слова, есть *poietes*, но оно, по крайней мере, с точки зрения понятия, связано с понятием работы, действия или работы. Что такое пророк, братья мои, если человек говорит, что он имеет веру, но не имеет дел, может ли

его вера спасти его? Если брат или сестра плохо одеты и лишены дневной пищи, и кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром, грейтесь и питайтесь, не давая им необходимого для тела, какая в этом польза? Итак, вера сама по себе, если она не имеет дел, мертва. Вот почему я говорю, что думаю, что здесь он имеет в виду идею отказа позволить истине Слова изменить наше основное мировоззрение или повлиять на наше поведение.

Структура этого отрывка, особенно соотношение стиха 21 со стихом 22 и последующими, и особенно стихом 25, но тот, кто всматривается в совершенный закон, закон свободы, и пребывает, будучи не слушателем, который забывает, но делатель, который действует, будет благословен в своих делах. Таким образом, структура этого отрывка подразумевает, что спасение, под которым он подразумевает нынешнее избавление, указывает на окончательное, эсхатологическое избавление или избавление последнего времени. Я говорю о настоящем избавлении, потому что он говорит об этом деле исполнения Слова как о, как, как, как относящемся к Слову как к закону свободы, закону, который освобождает сейчас, который освобождает сейчас, что дарует свободу сейчас. Но также, когда он здесь в конце говорит, что этот человек будет благословен в своих делах, он, как правило, Иаков, обычно использует благословенный язык для обозначения последнего времени или эсхатологического спасения, как он уже сделал в 1:12.

Блажен человек, блажен человек, терпящий испытание, ибо, выдержав испытание, он получит венец жизни, который Бог обещал тем, кто любит Его. И снова, в 511 году, то же самое, когда он говорит: вот, мы, мы, мы называем благословенными тех, кто был стойким, вы слышали стойкость Иова, Иова, и видели цель Господи, как Господь сострадателен и милостив, указывая на то, что Иову в конце было лучше, чем в начале. Итак, Иаков постоянно использует здесь благословенные слова, говоря о блаженстве будущего эсхатологического спасения последнего времени.

Затем он указывает, что быть исполнителем Слова означает настоящее спасение, то есть переживание в настоящей жизни свободы, свободы и избавления от рабства злу, а также блаженство в конце жизни по отношению к жизни грядущей. То, то, то, то, , то, спасение, говорит он здесь, и настоящее, и будущее опосредствуются действием. У вас действительно сакраментальный характер поведения здесь опосредован действием, будучи не слушателем Слова, а исполнителем Слова.

Тот испытывает спасение в самом процессе действий. Если человек не деятель, у него нет спасения. Это подтверждается примером зеркала в стихах с 23 по 25.

Существует проблема в интерпретации этого отрывка относительно того, является ли это притчей или аллегорией, но на самом деле, я думаю, что это

различие или то различие здесь действительно преувеличено со стороны многих ученых, потому что, как мы упоминали ранее в этой видеопрезентации притча, притчи, используемые в Новом Завете, и кстати, эти притчи вы найдете и в Ветхом Завете. Я отсылаю вас к, возможно, самой известной притче в Ветхом Завете, притче о богатом человеке и бедняке, о его и его агнце, о которой Нафан говорил Давиду там в 12-й главе 2-й книги Царств. имеет один главный смысл, что не исключает возможности того, что детали, имеющие свои духовные аналоги. Но в Библии притчи имеют один главный смысл, а детали зачастую имеют духовные аналоги, которые поддерживают или усиливают этот главный смысл.

И это действительно то, что у вас здесь есть. Итак, я действительно думаю, что у вас есть притча, которая действительно ожидала аллегорических аспектов, ожидаемых с точки зрения того, с чем мы знакомы с точки зрения притч в Библии, как Ветхого Завета, так и Нового. Поэтому я думаю, что предпочтительнее рассматривать эту иллюстрацию как притчу, имеющую определенные аллегорические элементы.

То есть определенные детали здесь призваны указать на определенные реальности в нашей жизни или в жизни того человека, который смотрит в зеркало и либо уходит, либо забывает, либо уходит и действует, появляется в нем и действует. Теперь, согласно тому пониманию той иллюстрации, которая у нас есть, суть в следующем: нет смысла смотреть на свое естественное лицо в зеркало, видеть грязь или другие недостатки, которые можно было бы исправить, только для того, чтобы уйти без этого. делать что-нибудь с этим. Если это то, что человек делает, зачем вообще смотреть в зеркало? Это не имеет смысла, потому что это не имеет никакого значения.

Точно так же люди, которые изучают закон, видят себя, конечно, не свое природное лицо, а свое духовное лицо: то, кем они являются в своей неадекватности, и то, кем Бог создал их и ожидает от них быть в своем потенциале. Если они делают больше, чем просто смотрят, катано'о, что в данном контексте имеет отношение к беглому взгляду, если они делают больше, чем просто смотрят на закон, а всматриваются в него, то здесь используется слово паракупто, что на самом деле означает «подчиняться». вниз и к себе, наклоняться и смотреть пристально, постоянно и продолжительно, если они вглядываются в это, позволяя этому, применяя это на практике, формировать самую сущность своего характера, и более того, позволять тому, что они увидели, что на самом деле определяют все свое поведение, они будут благословлены. То есть они испытают спасение в процессе своих действий или на основе своих действий.

Теперь отметим, что закон здесь описан как совершенный закон свободы. Оно идеально, зная, опять же, как Джеймс использует телеос или совершенство на

протяжении всей книги, оно идеально в том смысле, что оно завершено. В нем содержится все необходимое для спасения.

Иаков, возможно, на самом деле повторяет здесь, возможно, даже намекает на Псалом 19, стих 7. Закон Господень совершенен, оживляет душу. Свидетельство Господа несомненно, делая мудрыми простое, опять же, в сочетании с понятием мудрости, которое так заметно у Иакова. И кстати, конечно, это дело спасения души, из Псалма 19, подхвачено в стихе 21, которое способно спасти ваши души.

Другими словами, закон совершенен в том смысле, что он может прекрасно спасать. Человеку ничего не нужно; можно прекрасно экономить; кроме этого ничего больше не нужно. К этому спасению, конечно, мы еще вернемся, в каком смысле оно имеет место. Это спасение включает в себя, среди прочего, свободу или свободу, совершенный закон свободы.

Теперь, позже, в главе 2, стихе 12, Иаков еще раз назовет закон совершенным. Здесь, в 2:12, он говорит: так говорите и так поступайте, как те, кого следует судить согласно, извините, разговорам о законе, как о законе свободы в стихе 12, так говорите и так поступайте, как те, кто быть судимым по закону свободы. Там говорит, и это, конечно, восходит и к 8 стиху, если ты действительно исполняешь царский закон, по писанию, люби ближнего твоего, как самого себя, хорошо поступаешь, что указывает на то, что, когда он говорит насчет закона как закона свободы, он указывает, что закон освобождает, закон освобождает, закон дает свободу, но от чего он дает свободу? Ну, согласно 2:12 и 13, конечно, он дарует свободу от осуждения, но помимо этого, он дарует свободу от самоодержимости, потому что закон свободы в 2:12 имеет отношение к тому, что он говорит, к тому, что он называет царским. закон в 2.8, согласно писанию, возлюби ближнего своего, как самого себя, свободу от самолюбования, чтобы можно было по-настоящему любить ближнего и исполнить весь закон.

Кстати, если мы интерпретируем этот отрывок здесь, стихи с 1:22 по 25, в свете того, что он говорит в 2:8–13 относительно царского закона и закона свободы и и так далее, мы обнаруживаем, что на самом деле то, о чем он говорит, с точки зрения закона является законом свободы, законом, который освобождает, и законом, который спасает, что закон может освободить, закон может спасти, если на самом деле вы! Мы говорим о законе, как он истолкован и исполнен в Евангелии. Вот почему в 2:8 он говорит об исполнении царского закона, как мы увидим, когда дойдем до этого момента, закона Царя, закона, который Царь Иисус перетолковал и провозгласил его с повелением любви. в центре, возможность исполнения которого приходит через принятие Евангелия верой, если вы держите веру Господа нашего Иисуса Христа, Господа славы до одного. В этом смысле закон — это слово истины, которое производит новое рождение

и которое блокирует или препятствует истинному и фактически освобождает человека от всего, что могло бы блокировать или препятствовать истинной любви к ближнему как самому себе и тем самым к исполнению закона.

Итак, закон не только приказывает, он еще и дает возможность подчиняться. Но опять же, это закон, принятый Христом, истолкованный Христом, провозглашенный Христом и приведенный к исполнению Христом, который становится действующим или реализуемым в нас, когда мы проявляем веру во Христа, когда мы придерживаемся веры. Господа нашего Иисуса Христа одному. Он дает возможность подчиняться, освобождая от рабства корысти, которая удерживает людей от подчинения закону.

Теперь он идет дальше и округляет это число до 126-27, говоря о религии слова. Если кто думает, что он религиозен и не обуздывает свой язык, но обманывает свое сердце, у того тщетна религия. Религия чистая и непорочная пред Богом и Отцом такова: посещать сирот и вдов в их скорби и хранить себя незапятнанным от мира.

Итак, здесь, конечно, этот отрывок структурирован в соответствии с контрастом между истинной и тщеславной религией. И он говорит о ложной религии с точки зрения, опять же, с точки зрения обмана или обмана своего сердца. Если кто-нибудь думает, что он религиозен и не обуздывает свой язык, но обманывает свое сердце, здесь снова используется третье греческое слово, обозначающее обман, апатао.

Религия этого человека, этого человека тщетна. То есть ничего не стоит, оно пусто и ничего не стоит, как говорится, если не обуздает свой язык, а обманет свое сердце. Здесь, кстати, он, конечно, вводит понятие, ну, он действительно ввел его уже в стихах с 19 по 21, но он в очень кратком виде вновь вводит понятие употребления языка, а сам стих 26 будет особенно следует обратить внимание на 3 :1-12, где он снова использует всю эту историю с удилами, уздечкой и тому подобным, говоря о языке.

Здесь это противопоставляется истинной религии, и здесь, конечно, он подразумевает, что истинная религия предполагает не быть обманутым, а быть чистым и незапятнанным, что выражается в посещении сирот в их скорби и посещении сирот и вдов в их страданиях. скорби и хранить себя незапятнанным от мира. Теперь мы снова делаем акцент на самообмане. Мы не удивлены этим.

Это то, что объединяет стихи 16, одно из того, что объединяет стихи с 16 по 27. Теперь он переходит от обмана относительно Божьих мотивов, стих 16, это первое проявление обмана, обмана относительно Божьих мотивов, стих 16, к обману относительно Божьих методов. , Божий метод спасения, стих 22, до

обмана относительно Божьего одобрения, теперь в стихе 26. Здесь мы обманываемся в отношении того, что угодно Богу и чего Бог ожидает.

Здесь, действительно, Джеймс, когда он вводит здесь слово «религиозный», а это на самом деле трескос, здесь, вводя понятие религии, Джеймс апеллирует к универсальной религиозной природе, религиозному чувству всех людей, и религиозной природе, религиозному чувству. смысл, который присутствует в том или ином виде, в той или иной степени во всех человеческих обществах, и, если уж на то пошло, во всех людях, и, кстати, можно фактически рассматривать даже секуляризм как имеющий религиозные аспекты, так что даже секуляризм и секуляристы не могут уйти от религиозного импульса и религиозного характера человечества, но в центре религиозной природы и религиозного чувства всех людей находится желание угодить Богу, и это, по сути, то, что связано с религией. Это стремление угодить Богу, особенно в плане совершения религиозных действий, и в этом действительно смысл слова «трескос», то есть совершения религиозных действий. Итак, поскольку цель такого рода религии — угодить Богу, быть приемлемой для Бога, крайне важно, чтобы эта религия была приемлемой для Бога и чтобы она имела для Него значение.

Было бы совершенно разрушительно обнаружить, что чья-то религия пуста или тщеславна, *mataios*, то есть бесполезна с точки зрения Бога. Вот в чем смысл тщеславия. Религия этого человека тщетна, поскольку она не имеет никакого значения для Бога; это неприемлемо для Бога, это не угодно Богу, это не имеет значения для Бога и бесполезно с точки зрения Бога.

Хотя Иаков подчеркивает в своем языке культовые действия и использует культовый язык, *threskes*, религиозный, *threskeia*, религия, *katharos*, чистый, на самом деле это своего рода культовый язык, то есть предполагает очищение или чистоту в чувство приемлемости для Бога, наличие доступа к Богу в поклонении и *амиантос*, чистый и незапятнанный. Помните, насколько вездесущ этот язык непорочного в ветхозаветной культовой системе о необходимости непорочных жертв перед Богом и тому подобное. Итак, все это действительно культовый язык.

Он действительно использует здесь культовый язык для того, но он использует его таким образом, чтобы предположить, что религию не следует понимать культово, то есть неформальные, неформальные, неформальные ритуальные акты и тому подобное. Но, сказав это, это тоже имеет место, и, кстати, это может быть связано с тем, что Джеймс использует здесь такой язык, что он может быть, что это может означать что-то, что, как я говорю, в любом случае явно верно, что Джеймс не говорит здесь против ритуала как такового. На самом деле он не вступает в полемику против ритуала, хотя, как я уже сказал, эти слова часто подчеркивают ритуальные действия, и он их использует, как он их

применяет, он дает, он дает, он говорит о них в поведенческих, стихах, это придает им поведенческое, а не литургическое содержание.

Он не выступает против ритуала как такового; нет никаких оснований так думать, но он указывает, что сущность истинной религии заключается не в ритуалах, религиозной или благочестивой деятельности, а в поведении, и особенно в поведении, понимаемом с точки зрения актов милосердия, своего рода обуздания язык, который сопротивляется нечистоте неподобающего отношения и ненавистному отношению и злобному отношению к другим людям, которые приходят в себя, который доходит до выражения в неприличной речи, и это отрицательно, а затем положительно в плане дел милосердия. Поклонение Богу не ограничивается собранием, где звучит слово. Это, в некотором смысле, продолжает то, что он сказал в стихе 22: будьте исполнителями слова, а не только слушателями.

Недостаточно присутствовать на собрании, чтобы быть частью поклоняющегося сообщества и слышать слово. Поклонение Богу не ограничивается собранием, где звучит слово, но даже там оно не обязательно воплощается в жизнь. Я говорю это потому, что в самом следующем отрывке в начале второй главы он собирается привести сценарий христианского собрания, христианского богослужения, где прямо посреди богослужения у вас есть поношение и позор бедняков, что, конечно, противоречит тому самому богослужению, которое там проводилось.

Собрание, где слово услышано, но не воплощено в жизнь. Поклонение Богу не ограничивается собранием и, конечно, не ограничивается этим собранием, где слово только слышно, но не претворяется в жизнь, оно происходит в горниле жизни, где оно совершается. Поклонение Богу не ограничивается собранием, но происходит в горниле жизни, где оно совершается.

Итак, истинная религия здесь, согласно этому отрывку, включает в себя четыре вещи. Речь идет, прежде всего, как он говорит, обузданном языке. Мы скажем об этом подробнее, когда дойдем до третьей и четвертой глав, но он выберет это, он выберет это в главах, в третьей главе, где он, где он рассказывает там, он рассказывает там об этом деле управление языком на куски во рту лошади, во рту лошади, предполагающее обуздание всего тела лошади.

Кроме того, эта религия чиста и незапятнана. Это, конечно, указывает на постоянную озабоченность Джейнса единством и целостностью, отсутствием примесей или примесей, чистотой и незагрязненностью. Оно предполагает конечную цель культовой чистоты и безупречности в культе, действительно указывает вперед на чистую и незапятнанную жизнь.

Это необходимо, это дело быть чистым и непорочным, это необходимо, потому что Бог един и совершенен. Он также характеризуется единством и целостностью, чистотой и непорочностью, и поэтому поклоняющийся, если он собирается быть истинным поклонником Бога, должен разделять характер Бога как единого и совершенного. Как существо, как чистое и незапятнанное, как характеризующееся единством и целостностью.

Таким образом, все, кроме чистой и незапятнанной религии, неприемлемо для Бога. Это особенно указывает на разрыв между слушанием и действием. Чистота и непорочность опять-таки означает противоположность нечистоте, то есть, скажем, быть слушателем слова, но не делателем.

По иронии судьбы, культовый язык используется для обозначения того, что культовой или религиозной деятельности недостаточно. То, что делает человека нечистым, — это не церемониальные недостатки, а забота о церемониальной правильности, игнорирующая общее поведение. Итак, это приводит, конечно, действительно к третьей составляющей истинной религии здесь, не только к брачному языку, чистому и непорочному, но и к посещению вдов и сирот.

Разумеется, слово «посещение» здесь используется в ветхозаветном значении «посещение», то есть присутствия, помощи и заботы о них. Даже когда Бог в Ветхом Завете посещает свой народ в его нужде спасти или спасти его, что, конечно же, на самом деле включает в себя заветное действие Яхве по отношению к своему народу, на самом деле указывает на заветные обязательства христиан по отношению друг к другу. Между прочим, это еще раз продолжает идею о том, что правильно поклоняться Богу означает принять характер или воспитать характер, выразить характер, продемонстрировать характер, подобный характеру Бога.

Вдовы и сироты, конечно, представляют бедных и угнетенных. Это способ говорить о бедных и угнетенных вообще, не только о вдовах и сиротах, конечно, сюда можно отнести и их. На самом деле это следует из статуса Бога как Бога и Отца.

Стих 27: религия чистая и непорочная пред Богом и Отцом. Иными словами, Он — Бог, сотворивший всех, включая бедных и нуждающихся, и, таким образом, Отец всех, включая бедных и нуждающихся, и как Отец обязуется обеспечить благополучие тех, кого Он создал. Вы не можете поклоняться Богу как Богу, как Богу-Творцу и не заботиться о нуждах Его человеческого творения, которое, согласно Писанию, является высшим порядком творения.

Вы не можете поклоняться ; вы не можете по-настоящему поклоняться Богу, Который есть Отец, с точки зрения любовной заботы обо всех Его человеческих созданиях, если на самом деле вы не разделяете Его активную, любящую заботу

обо всех Его творениях. И затем, наконец, дело истинной религии здесь, как его развивает Джеймс, предполагает сохранение себя незапятнанным от мира, незапятнанным от мира. Теперь еще раз обратите внимание, что здесь используется коптский язык, незапятанный миром.

Аспилос – это то, что используется. И еще отметим здесь элемент иронии. Сохранять себя незапятнанным от мира не значит удаляться от общества.

Он только что говорил о посещении сирот и вдов в их скорбях. Это не значит проявление, не означает уход из общества. Это не аскетизм или эскапизм, а, скорее, участие в жизни общества.

Этот отрывок, безусловно, противоречит знаменитому утверждению Альфреда Норта Уайтхеда о том, что религия — это то, что человек делает в своем одиночестве. Здесь мир используется у Иакова в смысле склонности человека ко злу и против Бога. Мир предполагает склонность находить безопасность в привязанности к вещам этого нынешнего мира или во владении ими.

Безопасность в этом, обретение безопасности или установление безопасности в этом нынешнем мире. Этот путь означает сохранять себя незапятнанным миром, чтобы не было даже намека. Опять же, быть незапятнанным не имеет значения; дело не в том, чтобы быть полностью мирским.

На протяжении всего Иакова в первую очередь интересуют не люди, которые полностью мирские, а люди, которые пытаются быть друзьями мира и друзьями Бога одновременно. В его прицеле не люди, которые принимают всецело зло, а те, которые хотят, которые принимают и зло, и добро одновременно, которые разделены таким образом. И здесь он говорит о таких людях, которые запятнаны.

Они не полностью лишены религии, но они хотят сочетать религию, то есть поведение, приемлемое для Бога, с обязательствами, которые противостоят этому, которые противостоят этой приверженности Богу. Они пытаются найти безопасность не только в угождении Богу, следовании Богу и послушании Богу, но также в вере и доверии к миру. Итак, на самом деле содержание истинной религии таково: она включает в себя систему моральной ответственности, включающую Бога, себя, других и мир.

На самом деле религия в первую очередь связана с отношениями человека с Богом, но отношения человека с Богом определяются его отношением к другим, к себе и особенно к миру, и особенно к нуждающимся в этом мире. Здесь есть побуждение принять точку зрения Царства в сравнении с нынешним веком. Хорошо, что ж, это фактически подводит нас к завершению первой главы, этой

увертюры в книге Иакова, и заставляет нас действительно идти дальше и переходить ко второй главе.

На завершение первой главы у нас ушло чуть больше 40 минут. Это хорошее место, чтобы сделать паузу, сделать перерыв, чтобы мы могли начать заново в начале следующего отрывка со второй главы Послания Иакова.

Это доктор Дэвид Бауэр в своем учении об индуктивном изучении Библии. Это сеанс 19, Иакова 1:22-27.